

Вопрос о времени перехода от рабовладения к феодализму в Византии и путях развития византийского феодализма вызвал в нашей науке широкую дискуссию, в ходе которой были высказаны в основном две точки зрения. Согласно одной из них (всего последовательнее развитой Е. Э. Липшиц¹¹), феодализм восторжествовал в Византии уже к началу IV в.; согласно другой — ее придерживается большинство исследователей (М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова, А. Р. Корсунский, А. П. Каждан и др.), в IV—VI вв. в Византии еще преобладали рабовладельческие отношения, хотя уже и зарождался феодальный строй. По мнению указанных историков, рабовладельческие порядки были сокрушены в Восточной Римской империи только в VII в. в результате вторжения славян и народных движений в империи¹².

На страницах журнала «Вопросы истории» в 1958—1961 гг. была проведена дискуссия, посвященная спорным вопросам социально-экономической истории Византии. Значительное место в этой дискуссии было отведено именно проблеме разложения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Византийской империи¹³.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан, открывшие дискуссию, считали необходимым пересмотреть традиционное представление об экономическом упадке и всеобщем закабалении населения Римской империи в IV—VI вв. Этот тезис не вызвал особых возражений. Гораздо более дискуссионным оказалось другое, связанное с ним утверждение З. В. Удальцовой и А. П. Каждана — о том, что социальная структура Византийской империи в эти столетия принципиально не отличалась от общественных отношений предшествующих веков и что, следовательно, так называемый ранневизантийский период следует рассматривать как заключительный этап развития рабовладельческого общества. Это положение, в основных чертах поддержанное М. Я. Сюзюмовым, встретило возражения Д. Ангелова и особенно Е. Э. Липшиц; правда, по мнению Д. Ангелова, в эту эпоху были налицо лишь «известные тенденции феодального способа производства», тогда как Е. Э. Липшиц характеризует данный период уже как «первый этап складывания византийского феодализма».

В подтверждение своей точки зрения названные ученые выдвигали два основных аргумента: наделение рабов пекулием рассматривалось ими как свидетельство распада рабовладельческой системы, а колонат — как начальная форма эксплуатации феодального типа. Однако М. Я. Сюзюмов уже в полемике с Е. М. Штаерман показал, что перевод рабов на пекулий представляет собой нормальное явление в условиях рабовладельческой системы хозяйства, известное классической античности¹⁴. З. В. Удальцова и А. П. Каждан со своей стороны подчеркивали генетическую близость восточноримского колоната к формам эксплуатации, существовавшим в эллинистических государствах. Если, следовательно, принять тезис о феодальном характере колоната, то придется признать и давно уже отвергнутый

¹¹ Е. Э. Л и п ш и ц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 28—54.

¹² Существо расхождений по этому вопросу изложено в III томе «Всемирной истории» (М., 1957, стр. 86).

¹³ З. В. У д а л ь ц о в а, А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96; М. Я. С ю з ю м о в. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 98—117; Д. А н г е л о в. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103; Е. Э. Л и п ш и ц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 96—111.

¹⁴ М. Я. С ю з ю м о в. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1, стр. 55 сл.